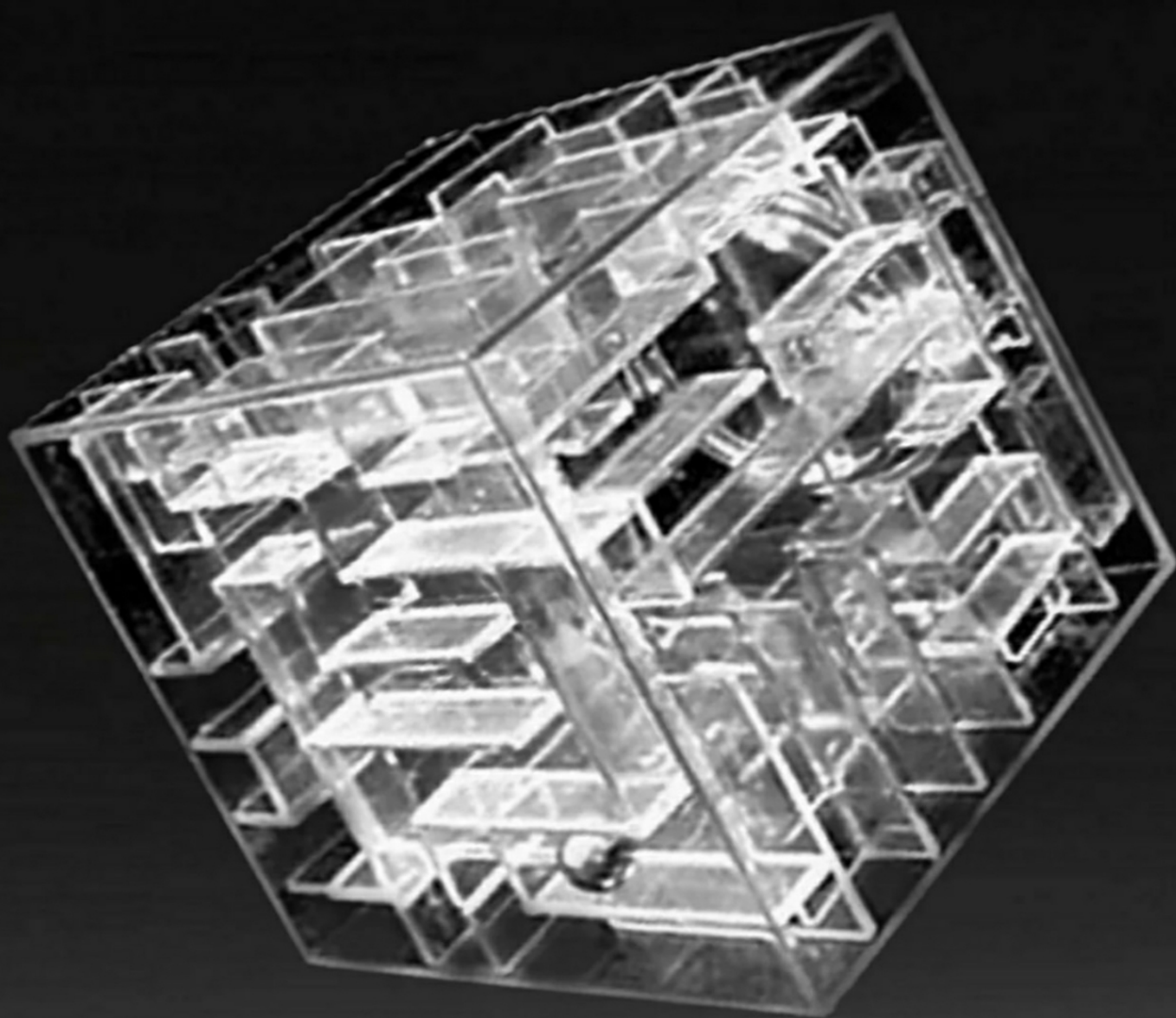

LIZADALE

SCREENPLAY

3. n o t e p # H H 2 #

16+

Лиза Даль

Screenplay 3. Потерянная

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Даль Л.

Screenplay 3. Потерянная / Л. Даль — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-0396-2

Ты разрабатываешь уникальный план, преодолеваешь кучу препятствий, рвёшься к цели, не обращаешь внимания ни на обстоятельства, ни на свои страхи, ставишь на карту практически всё, что имеешь. И у тебя получается. Ты до такой степени поражена этим фактом, что не веришь ни своим глазам, ни другим органам чувств, трубящим о Его присутствии в твоей жизни. Но постойте... Что-то явно идёт не так, и вообще, какого чёрта здесь происходит?!

ISBN 978-5-5321-0396-2

© Даль Л., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1

Я очнулась в белёсой пустоте.

Голова была тяжёлой, мутной и абсолютно пустой. Тело будто не моё, даже самые элементарные движения – повернуть голову, шевельнуть рукой – требовали невероятных усилий. Нужно было хорошенько поразмыслить над тем, что именно собираешься сделать, отдать телу команду, получить отказ, ещё пролежать неопределённое время в неопределённости. Снова пытаться, мелко дёргаясь, как издыхающая рыба.

– Как себя чувствуешь? – спросил туман.

– Паршиво... – промычала я.

– Да? – удивился туман и зевнул. – А я, наоборот, прекрасно. Выспался наконец за последние лет двести.

Какой знакомый голос... Почему туман разговаривает этим голосом?

– Не могу пошевелиться... – пожаловалась я ему.

– Не шевелись, если не можешь. Зачем тебе это?

Действительно...

Я лежала ещё какое-то время с закрытыми глазами. Темнота кружила и раскачивала, отчего мне делалось дурно. Открыла глаза, проморгалась. Сквозь белёсую пелену начали проступать мягкие размытые краски.

– Где я? – простонала.

– С определённой могу сказать только одно: там же, где и я, – ответил за моей спиной...

– Рональд?! – дошло вдруг до меня.

Эта внезапная догадка поразила меня, как молния. Я резко обернулась, от чего меня чуть не стошнило, и увидела его размытое лицо совсем близко от себя.

– Какого чёрта ты делаешь в моей постели?

– Прежде чем начнёшь ругаться, Лиз, убедись в том, что это действительно твоя...

Я не дослушала его, схватилась за голову. Резкая гудящая боль наполнила череп, казалось, от этого гула он пойдёт трещинами.

– Боже, – простонала я, готовясь сдохнуть в любую следующую секунду, но боль прекратилась так же неожиданно, как и началась.

Я всё вспомнила, осознала саму себя.

Поняла, что лежу на полу, на каком-то матрасе, одной рукой пристёгнута к облезлой чугунной батарее. Передо мной стена, на которой в несколько слоёв – это видно по неровно отодранному куску – красуются выцветшие обои, не превратившиеся в труху только потому, что приклеены намертво. Над головой мутные оконные стёкла в деревянной, выкрашенной белой краской раме.

Я лежала немного, отдышалась, попытки оглядеться отняли неожиданно много сил. Передохнув, поднялась на локте и осмотрела помещение – пыльный деревянный пол, покрытый коричневым облупившимся лаком, в дальнем углу простая белая дверь с дыркой вместо ручки. В углу валяется моя сумка. Помню, как складывала в неё всякие необходимые мелочи, помню, как просила Васю взять её. Матрас, на котором я лежала, был единственной обстановкой этой убогой комнаты.

Я снова посмотрела на Рональда, сидящего рядом со мной в точно таком же положении – одной рукой пристёгнут наручником к батарее. Господи, у нас получилось! Он здесь, со мной! Стоп! Я точно проснулась? Последнее, что я помню, – Вася делает мне укол и, пока я погружа-

юсь в золотистые волны небытия, начинает фиксировать на моём теле страховочную обвязку. Может, это всё ещё наркоз?

– Что происходит? – еле ворочая языком, спросила я.

– Нас, скорее всего, похитили, – предположил он так спокойно, словно оказывается в подобной ситуации постоянно и по меньшей мере раз в месяц.

Да, всё получилось. Ему-то уж можно верить. Кряхтя, села на матрасе, привалилась спиной к холодной батарее. Рональд последовал моему примеру, ухмыльнулся, потирая запястье со следом от наручника.

– Я теперь окончательно убедился в своём мнении, что ты постоянно попадаешь в истории, Лиз.

Его глаза улыбались, и это всё ещё были глаза спокойного уверенного в себе мужчины. Мужчины, над головой которого могут проноситься торнадо, не затрагивая спокойствия души.

– А я окончательно убедилась в своём мнении, что виноват в этом ты.

Я застенчиво улыбнулась ему, прежде чем он успел воспринять моё заявление всерьёз. Через минуту я отошла от действия наркоза почти полностью, голова прояснилась, и я сообразила, что не должна вести себя так легкомысленно. Меня же похитили как-никак! Я покосилась на своего соседа. Он выглядел очень спокойным, даже скучающим. Это немного удивило меня.

– Кто-нибудь уже с тобой разговаривал? – спросила я, опасливо озираясь по сторонам.

– Нет, я ещё никого не видел.

Правильно. Сигналом к их появлению должна стать моя начавшаяся истерика. Я приготовилась к представлению, изобразила дрожащий подбородок, присипела:

– Ты не боишься?

Рональд пожал плечами:

– Ну... Если оценивать мою пугливость по шкале от одного до десяти, то я даже не попадаю в эту шкалу.

Всё же туман наркоза ещё не до конца выветрился из моей головы, мне пришлось основательно напрячь мозги, чтобы отыскать смысл в этой фразе.

– А как быть тем, кто попадает? – спросила я, когда у меня это получилось.

– Относиться ко всему происходящему как к приключению, – улыбнулся Рональд уголком губ, но тут же посерьёзнел: – Ничего не бойся, Лиз. Это ненадолго.

– Что им от нас нужно?

– Надеюсь, всего лишь деньги.

– Надеешься?

Он уже открыл было рот, чтобы сказать что-то вроде «Кругом ведь полно психов, Лиз». Его остановил мой испуганный взгляд. Он покосился на дверь, приблизился ко мне, доверительно понизил голос:

– Я переживаю, что это похищение подстроил рекламный агент.

– Что? – отпрянула я от него. – Какой агент?

Вид у него был чрезвычайно серьёзным.

– Он просто преследует меня! – негодовал Рональд. – Хочет заставить сняться в рекламе наручных часов!

– Часов?

– Да, швейцарских.

Он подумал секунду, разглядывая потолок.

– Или это чёртовы республиканцы. Уже года два уговаривают меня публично вступить в их партию.

– Ты ведь сейчас шутишь?

– Не уверен, – хмыкнул он и утвердил на лице милую вопросительную улыбку. – А что, смешно получается?

– Или это кто-то, кому нужны твои деньги? – продолжала я допрос, заставляя себя не реагировать на его попытки разрядить обстановку.

– Или так, да. Этот вариант, кстати, устроил бы меня больше всего. Республиканцы – это ещё куда ни шло, но если это рекламный агент, приготовься к долгим переговорам, Лиз. Не собираюсь цеплять на себя эти дурацкие часы, уж лучше в наручниках посижу. Для меня это более привычный аксессуар.

– Рональд, ты о чём вообще?

– Я не ношу часы, Лиз, так же как и галстуки. А вот наручники постоянно, чуть ли не в каждом фильме...

Он молот чепуху с одной лишь целью – отвлечь меня, не дать мне запаниковать. Я чувствовала себя глупо. Мне ведь нужно изображать испуг, но, глядя в его безмятежное лицо, я всё никак не могла заставить себя это сделать. Нужно собраться. Мой подбородок снова задрожал.

– Они могут убить нас после того, как получат выкуп. Чтобы мы не дали показания против них...

Мой полный ужаса взгляд застыл в одной точке, губы начали кривиться. Я наконец вжилась в роль и готова была разреветься от страха.

– Стоп, – сказал он резко. Дождался, когда я подниму на него недоумённые глаза, смерил меня насмешливым взглядом. Улыбнулся тепло, ободряюще и покровительственно зашептал мне в самое ухо:

– Ничего не бойся. Судя по солнцу, – кивнул на окно, – сейчас утро, восемь-девять часов. Если через три часа я не появлюсь на съёмочной площадке, сюда ворвётся целая армия.

Фальшивые слёзы мгновенно высохли. Дыхание перехватило. Как?! Сердце бешено прыгало по всей груди, ударяясь об рёбра, я ничего не понимала.

– Армия? Они знают где мы? – зашептала я в ответ.

– Они узнают, где мы. Как только моя ассистентка заметит моё исчезновение, она начнёт следить за временем. Час икс по договорённости наступает через три часа, если в течение этого времени я не объявлюсь и не отвечу на звонок, она свяжется с агентством, которое отследит моё местоположение по GPS.

Я потрясённо молчала. Казалось, подо мной разверзлась пропасть и я лечу в неё с чудовищной скоростью. Какой ещё на хрен GPS?! Какое агентство?! Армия? Сюда нагрянут соборы в масках и шлемах с автоматами, и нам конец? Мысли суматошно металась в голове, я мучительно старалась сохранить лицо. Когда я снова обрела способность говорить, то, придав интонации соответствующее облегчение и интерес, расширив восхищённо глаза, спросила:

– GPS? Они вшили тебе его под кожу? Как в фильмах?

Рональда, по-видимому, развеселил мой вопрос.

– На это я бы точно не согласился, всё-таки я не собачка, – улыбнулся он и покосился на свой замысловатый кулон на простом чёрном шнурке. – Поверь, это была не моя идея. Сейчас это модно среди миллионеров, последний писк, можно сказать. Страховая, адвокат – все настаивали, особенно после того, как я заблудился в горах, пришлось согласиться. Ну, вроде они оказались правы, да? – он хитро подмигнул мне.

– Заблудился в горах?

– Долгая история, расскажу через три часа за чашкой кофе в лобби.

– А они не смогут догадаться? – беспокоилась я.

– Не переживай, если кулон до сих пор со мной, значит, у них просто не хватит на это мозгов.

Я вела внутренний монолог. Такими словами я себя ещё никогда не называла. В пух и прах проигравшиеся посетители казино называют так иногда крупье. Разъярённые футбольные болельщики называют так иногда судей. Но даже эти слова не казались мне достаточно

выразительными, чтобы описать себе свою собственную тупоголовость. Подняла на Рональда глаза, спросила тихо:

– Значит, нужно просто продержаться три часа?

И тут же покрылась липким ужасом. Что если он ошибся? Если неправильно определил время? Может, час икс пробил уже давно? Я уже слышу, как шуршит сухая трава под тяжёлыми берцами сотрудников ОМОНа, вижу, как смыкается вокруг нас кольцо оцепления. Уже чувствую, как хрустят в плечевых суставах выкручиваемые руки...

думай, пожалуйста, думай!

Внезапно дверь, едва не слетев с петель, распахнулась от удара ноги и, с грохотом наткнувшись на стену, срикошетила обратно. Я успела рассмотреть чёрную маску и похолодела от ужаса, уверенная, что в следующую секунду покажется ствол автомата или тяжёлый ботинок собровца, но это был всего лишь Руслан. Более мягкое обращение с дверью позволило ему наконец войти в комнату. Одной рукой он тащил за собой стул, в другой держал бутылку воды.

– О! – обрадовался он нам. – Проснулись, голубки? Ранние пташки, я думал, вы ещё поспите.

Он дошёл до середины комнаты, поставил стул, сел на него и кинул нам бутылку.

Только сейчас я осознала, как сильно хочу пить, вцепилась в неё, отвинтила крышку и замерла, делая большие глотки. Передала Рональду, он поставил бутылку рядом с собой и спросил спокойно:

– Кто вы такие и чего от нас хотите?

Я перевела. Руслан развёл руками.

– Денег хотим. Мы не слишком оригинальны, правда? – он гаденько улыбнулся.

Я снова перевела. Рональд молча кивнул и потянулся за водой.

Пока он отвлекался на бутылку, я сделала Руслану страшные глаза и покосилась на дверь. Он подал еле заметный знак, что понял меня.

– О деталях поговорим позже. Думаю, вам обоим нужно в сортир, я отведу вас по очереди. Ну и по традиции – дамы вперёд.

Он встал и подошёл ко мне.

– У него передатчик!! – зашипела я на Руслана, вцепившись ему в свитер, как только убедилась, что мы на безопасном расстоянии, и Рональд нас не слышит. Мы находились в другой, как две капли воды похожей на предыдущую, комнате.

– Что? – не понял он.

– GPS! Сколько сейчас времени?

– Девять утра...

– Через три, может, через два часа здесь всё будет кишеть полицией! – я в отчаянии схватилась за голову, казалось, она сейчас взорвётся, забрызгает стены шипящими мозгами.

– Ну-ка поподробней! – Руслан поймал меня за руку: – Да успокойся ты и объясни, наконец, в чём дело!

– Рональд сказал мне, что у него GPS-передатчик, – затараторила я шёпотом. – Он на шее, вмонтирован в кулон. Если он не объявится через три часа после исчезновения, его ассистентка позвонит в охранное агентство, и сюда нагрянет целая армия.

Руслан замер, часто моргая и пытаясь переварить услышанное. А я, первые за всю свою карьеру, поддалась панике.

– Что нам делать? Ладно я – совсем стала безмозглая со своими чувствами! Но вы-то могли об этом подумать?

– Что-нибудь решим. У нас ещё куча времени, не переживай.

Но я переживала, металась из стороны в сторону, требовала сама от себя решительных действий, но слишком нервничала, чтобы рассуждать здраво и выдумывать новый план. Неужели придётся отказаться от всей этой затеи?

– Тебе пора возвращаться. Он может заподозрить что-то, если задержишься.

– Хорошо. Я ещё подумаю. Дай мне час и снова выведи. И сами тоже подумайте, как быть.

– Ладно. Может, зайдёшь всё же в туалет?

Руслан проводил меня в убогий, обшарпанный санузел с растрескавшейся сантехникой. Я побрызгала себе на лицо из стоящей на раковине бутылки, прополоскала рот и вышла.

Тут же чьи-то сильные руки схватили меня сзади, лицо накрыл вонючий платок, я задёргалась, но уже через секунду обмякла и погрузилась в темноту.

Глава 2

Тяжёлый густой запах пыли и старого подгнившего дерева проникал в лёгкие. Я застонала. С трудом открыла липкие, как вымазанные сгущённой сливочной помадкой, глаза. Шевелиться не получалось, думать тоже. Единственное, что я могла, это смотреть сквозь серый дым. Комната даже отдалённо не напоминала мою, она не напоминала мне вообще ничего. Пока тягучие мысли складывали из общей картины хоть сколь-нибудь приемлемую версию происходящего, глаза независимо констатировали – бревенчатый домик. Признав, что вижу я определённо лучше, чем воображаю, я доверилась своим глазам, с трудом воспринимая то, что они мне показывают. Взгляд скользил по тёмным бревенчатым стенам, по дощатому полу, пока не остановился на... Минуту я ждала, пока настроятся резкость. Посреди избытки в наручниках бледным застывшим лицом ко мне лежал Рональд.

– Снится, – с облегчением, но и с немалым разочарованием догадалась я и снова выключилась.

Уже целую вечность какие-то нелюди стучат молоточками по моим вискам, я ныряю глубже, и они теряют меня на время, но потом находят вновь, и стук возобновляется. Эта размытая и смазанная гонка продолжалась до тех пор, пока я не осознала, что подобный стук мне уже приходилось слышать когда-то. При давно забытых обстоятельствах я оказалась в лесу, в котором точно с таким же звуком дятел выдалбливал дупло. Пытаясь восстановить в памяти эти обстоятельства, я и проснулась.

На этот раз пробуждение было куда более ужасным.

Рональд всё так же лежал на боку с закрытыми глазами и скованными за спиной руками. Спит? Я сплю? Нет... Не снится. Есть время оглядеться. Под низким потолком керосиновая лампа на крюке, вокруг неё кружат жужжащие насекомые, в углу маленькая железная печь, вдоль стены деревянный грубо сколоченный стол, рядом лавка. У противоположной стены также деревянные узкие нары, покрытые драным соломенным матрасом. Щели между брёвнами в стенах законопачены пожелтевшим мхом и какой-то грязью, единственное окно без стекла настолько маленькое, что я бы с трудом просунула в него голову. Очень тесно, больше похоже на конуру.

Ещё не успев толком очнуться, я поняла, что простым хлороформом дело не обошлось, снова какой-то транквилизатор. Они что, смерти моей хотят? Ох, попляшут у меня эти любители самодеятельности!

Я лежала на железной кровати, покрытой старым матрасом со скомканной ватой внутри и страдала от жажды. Во рту пересохло так, что я переживала, не растрескался ли язык, нещадно болела голова, в ушах стоял гул. Запястья мои сковывали наручники. Кое-как перевернувшись на бок, я обнаружила рядом с кроватью бутылку. Руки слушались плохо, но я дотянулась до неё, и вода полилась в рот, возвращая меня к жизни. Посидела ещё несколько минут, морщась от головной боли и стараясь унять головокружение, затем медленно сползла на пол к Рональду.

И хотя я понимала, что момент не самый подходящий, всё же невольно залюбовалась им. Лицо бледное, бледность подчёркивают густые тёмные, живописно растрепавшиеся волосы. Губы плотно сжаты и невозможно притягательны. Длинные тёмные ресницы подрагивают – такой незащищённый, такой невыносимо прекрасный. Моя любовь настойчиво вцепилась жадными когтями в сердце, желание прикоснуться заполнило целиком. С мурашками, со сквозняком в животе, не отдавая отчёта своим действиям, я уже тянула к нему руку, но замерла на полпути. Что если Рональд очнётся и увидит, что я так бесцеремонно лапаю его? Нужно замаскировать свои намерения...

Я взяла бутылку, налила в ладонку воды и мокрой рукой провела по его щеке. В животе случилось что-то вроде спазма, и ноги тут же отнялись. Я потрясённо рассматривала его неподвижное лицо, до меня наконец дошло, что всё получилось. Рональд здесь, со мной. Мы вместе проведём какое-то время, будем что-то делать, о чём-то разговаривать. Мне вдруг стало очень страшно. Нелегко представлять себе взаимодействие с похищенной тобой голливудской звездой, так я и не представляла. Не просчитывала, не планировала, даже не задумывалась об этом, слишком далёким, туманным и нереальным мне всё это казалось. Но...

вот он здесь, лежит передо мной

Мне захотелось на один безумный миг, чтобы ничего этого не происходило, чтобы я оказалась где-нибудь в другом месте, сидела бы в одиночестве в своём кабинете или лежала в своей кровати. Смотрела бы в телескоп, ругалась бы с Антоном, обсуждала бы с Мартой меню на ужин. Хотелось чего-то очень привычного и безопасного, безэмоционального, потому что то, что творилось сейчас у меня внутри, было слишком... новым. Сокрушающим. Сердце гулко стучало в ушах. Я снова смочила руку и провела по другой щеке, открыла лоб, убрав волосы, провела подушечкой указательного по бархатному веку, ощутила прикосновение ресниц.

Рональд слабо застонал, дёрнул скованными руками и открыл глаза. Рассматривал какое-то время из-под ресниц мои колени. Взгляд отсутствующий, ещё не пришёл в себя, восстанавливает в памяти события.

– Воды? – предложила я, не отрывая от него глаз. Он гипнотизировал меня.

Рональд болезненно зажмурился, потом часто заморгал, и в его глазах наконец появилась осознанность. Полежал немного неподвижно, изучил обстановку, тряхнул головой и сел. С руками за спиной ему было неудобно, и он переместил их вперёд, покачавшись из стороны в сторону и просунув нижнюю часть тела в кольцо из скованных рук. Потянулся за бутылкой, выпил воды, осмотрел комнату внимательнее и прохрипел:

– Где мы?

– В лесу, – предположила я неуверенно: – Где ещё может находиться такая избушка? Похожа на охотничий домик.

Рональд кивнул и поднялся на ноги, заглянул в окошко.

– Похоже на то, – он повернулся ко мне. – Там просто непролазная чаща.

Я разглядывала его оголённую шею.

– Кулон, – сказала я тихо.

– Что?

– Его нет.

Рональд схватился за шею.

– Но как? Как они догадались?

– Может, просканировали каким-то прибором, – нахмурилась я. – Есть же специальные обнаружители жучков, я видела в фильмах...

– Да ну, Лиз! – поморщился он. – Какие обнаружители? Скорее всего, просто решили перестраховаться.

– Да, наверное.

Он привалился к стене, сложил руки на груди. С минуту задумчиво стучал мыском туфли о пол, потом поднял на меня глаза, улыбнулся так, словно потерпел поражение в дружеском матче по настольному теннису. Развёл руками, как бы покоряясь судьбе:

– Ну что ж, придётся, видимо, расстаться со своими миллионами.

И хотя он пытался казаться спокойным, я понимала – Рональд нервничает. Нельзя не нервничать.

– И что же нам теперь делать? – спросила я растерянно.

Он прошёлся по комнате – два шага вперёд, два шага назад: такой маленькой она была – и пробормотал:

– Нам скажут, что делать, – посмотрел на меня внимательно, подошёл, сжал мои плечи: – Ты, главное, не переживай, всё будет хорошо. Поняла?

Я кивнула.

– Повтори, – потребовал он.

Я старалась улыбнуться сквозь слёзы, что было чрезвычайно трудно, потому что слёз не было.

– Всё будет хорошо.

– Молодец.

Он бросил на меня ещё один острый взгляд, чтобы убедиться, что я чувствую его уверенность. Подошёл к двери, подёргал за ручку – заперто снаружи и, скорее всего, на засов, так как лязг замка мы не услышали. Ударил в дверь кулаками, потом ещё раз.

– Эй! Вы где? – крикнул. – Мы соскучились.

Никакой реакции со стороны похитителей мы не дождались.

Итак, они избавились от GPS и перевезли нас в другое место, подальше от города. Решили перестраховаться, я бы тоже так поступила. Ну что сказать, молодцы! Я ведь практически всё время находилась без сознания, не могла руководить их действиями, а они и без меня сообразили. Зря, наверное, я их долбачами называю. Да, но на кой чёрт надо было вырубать меня второй раз, да ещё так картинно? Хлороформом. Ладно, разберёмся, это не самое главное, да и голова просто раскалывается. Где-то тут должна быть сумка, а в ней обезболивающее. Я осмотрелась и изобразив удивление в голосе, воскликнула:

– Моя сумочка!

Подняла её с пола, недоверчиво заглянула внутрь.

– Они что... – я поворошила содержимое. – Рылись в моих вещах? Здесь многое из того, чего здесь быть не должно. Я помню, как убирала эти салфетки в ящик, а этот крем стоял в ванной. И зубная щётка здесь...

– Ну это ведь хорошо? – ободряюще улыбнулся Рональд.

Я с отвращением бросила сумку на стол. Снова изобразила дрожащий подбородок.

– До меня, кажется, только дошло, – прошептала. – Нас ведь действительно похитили! Не представляю... Это пока я спала, в мой номер пробрались бандиты, рылись в моих вещах, смотрели на меня спящую!

– Лиз, – занервничал он, – не нервничай так.

– Рональд! – я вытаращила на него полные праведного гнева глаза. – Они одевали меня! Они видели меня... голой, я ведь без одежды сплю!

невинная пикантная подробность

– Лиз...

– Ты что не понимаешь? А вдруг они лапали меня? А вдруг они... – я опустила на лавочку и закрыла лицо руками. – Боже... Я ведь совсем ничего не помню!

Я добилась своего. Он присел рядом со мной, успокаивающе приобнял одной рукой.

– Лиз, не придумывай. Они просто одели тебя, и всё. У них не было времени ни на что другое.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, представь себя на их месте. Представь, что это ты замыслила похитить важную шишку из охраняемого номера.

– Не представляю, – буркнула я плаксиво.

– А ты попробуй, – настаивал он. – Думаешь, у тебя хватило бы мозгов заниматься глупостями? В таком деле ведь каждая секунда на счету. Неужели они стали бы так рисковать?

хватило бы у меня мозгов? окажись ты усыпленный и беззащитный в моей власти

– Наверное, нет, – выдавила.

– Вот именно! Так что перестань воображать себе то, чего не могло бы быть. Нет, воображать то, чего не может быть, – это очень полезная привычка, и только благодаря ей я имею то, что имею. Но думать нужно о тех вещах, которые тебе приятны, только так и никак иначе. Любая мысль ищет воплощения, как хорошая, так и плохая, так что аккуратнее с этим. А то ещё сбудется, – сказал он, вздохнул, а потом вдруг изобразил крайнее удивление и заглянул мне в глаза: – Или?..

– Что – или?

– Ну, знаешь... тайные фантазии и всякое такое.

– Ты издеваешься? – вытаращила я.

– Ну ты ведь думаешь об этом, – рассуждал он дальше с самым серьёзным видом. – Может, на бессознательном уровне ты всё-таки не против?

– Рональд?

Он невозмутимо вскинул бровь:

– Мы зря недооцениваем силу бессознательного.

– Ты в своём уме? – опешила я.

– Разозлилась? – он похлопал меня по плечу. – Хорошо. Злость лучше, чем страх. К тому же ты всё равно на меня злишься, так что давай, выпусти пар. Не помешает.

– Я злюсь на тебя?

– Конечно, – убеждённо кивнул он. – Разве нет? Ведь из-за меня ты здесь.

– Но это ведь не ты меня похитил.

– И как ты это докажешь?

Какое-то время я просто смотрела в его бесстрастное лицо, а потом меня прорвало. Как ни старалась я сдержаться, у меня это не получилось.

– Извини, – выдавила я сквозь хохот, – это нервный смех.

– Всё нормально, Лиз, не извиняйся. Так обычно и бывает, – Рональд потрепал меня по коленке. – Людям всегда очень весело, когда их похищают.

– Ага.

Оставив меня трястись от беззвучного смеха, он встал, прошёлся по комнате, постоял у окна, вглядываясь в лесную чащу. Задумчиво потёр подбородок. Подошёл и взял меня за руку.

– Идём, Лиз. Я хочу поговорить с тобой.

Он подвёл меня к кровати, сам сел на нары у противоположной стены. Помолчал немного, глядя в стену и кусая нижнюю губу, помотал головой, будто желая, чтобы в ней произошло.

– Вот как мы поступим, – хлопнул себя по коленкам. – Мы разработаем план. У этих ребят снаружи ведь есть план относительно нас, так почему бы и нам не обзавестись планом относительно них?

– Хорошая идея, – криво улыбнулась я.

– Отлично! Что ж, приступим, есть какие-то предложения?

– Нет...

– Тогда послушай мои. Первое. Неплохо бы подружиться, раз уж мы собрались провести вместе какое-то время. Что скажешь?

что скажу?

– Неплохо, да, – я скромно опустила глаза.

– Значит, решено. Ну это мы ещё успеем. Второе. Ни при каких обстоятельствах не хами и не груби им. Ты выглядишь смелой и независимой, но лучше не высывайся. Запомни – я здесь главное действующее лицо, ты просто моя переводчица, моя тень, которую должно быть не видно и не слышно. От тебя требуется только одно – переводить. Ты ведь за этим приехала, такая у тебя работа? Вот и относись к сложившейся ситуации, как к работе. Просто переводи, когда будет нужно, и ничего не бойся, всё это тебя никак не касается. Договорились?

– Хорошо, – сказала я и глубоко вздохнула, зная, что майка на моей груди при этом вдохе соблазнительно натягивается.

– Есть одна проблема, Лиз, – он сцепил руки в замок, тон его стал серьёзнее. – Я-то не против сотрудничать с этими ребятами, но они могут немного нервничать. Понимаешь, они могут оказаться не такими уж профессионалами, не будут знать, что и как делать. Я, конечно, постараюсь помочь им с этим, но они всё равно могут начать угрожать или запугивать, могут вести себя грубовато. Не обращай на них внимания, это всё от их неуверенности. Наша задача – не провоцировать их ещё сильнее, не сопротивляться и выполнять все их требования. Понимаешь меня?

– Да.

Рональд протянул мне одну из закованных рук, и я осторожно её пожала.

– С тобой приятно иметь дело, – улыбнулся он.

Мной овладело почти непереносимое желание взять его ладони и прижать их к своему сердцу, и это желание было таким сильным, что я просто взяла и отпустила его руку. Сказала:

– С тобой тоже. Мне не так страшно, как могло бы быть, окажись на твоём месте чуть более истеричный... работодатель.

– Работодатель? – хмыкнул Рональд. – Формально тебя нанимала киностудия, это она платит тебе за то, что ты ведёшь переговоры с моими похитителями. Я понимаю, что подобного пункта нет в твоём контракте, но мы ведь всё равно собирались подружиться, почему бы тебе не считать это дружеской услугой?

– Договорились.

Мы ещё посидели какое-то время в молчании, прислушиваясь к происходящему снаружи. Ничего. Мы будто одни посреди этого леса. Я подошла к двери и ударила в неё ногой.

– Откройте! Мне нужно в кусты!

Через минуту мы услышали шаги, поднялся засов, дверь совсем чуть-чуть приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулся блестящий ствол, приказавший мне отойти подальше, а потом и голова, обтянутая чёрной маской с прорезями для рта и для глаз, по которым я сразу узнала Дениса.

– Так, подойдите к кровати и сядьте, – скомандовал он. – И без шуток! У меня оружие. И у других тоже.

Мы подчинились, и Денис вошёл в комнату. Бросил на пол мешок.

– Здесь тёплая одежда, ночью тут будет прохладно. Ты, – он указал на меня пистолетом, – иди вперёд. Ты, – дуло передвинулось на Рональда, – сиди тут.

Я перевела Рональду, чтобы сидел смирно, и вышла из дома, пригнувшись под низкой притолокой.

И оказалась в лесу.

Опушка, на которой стоял домик, была совсем крошечной. Здесь уместались лишь сама избушка и палатка, в которой расположились остальные. Я сделала глубокий вдох и поразилась, что воздух может быть таким густым и хвойным. Со всех сторон на нас наступал лес, деревья всюду, куда ни глянь. Плотные зелёные кроны переплетались между собой, могучие стволы стремились к небу, среди них заросли кустарника и высокая трава.

– Куда? – я повернулась к Денису.

Мне отчего-то не понравился его взгляд. Он кивнул головой направо, и я направилась к кустам. Денис шёл за мной, мы молчали. Отойдя от избушки подальше, я снова повернулась к нему и протянула руки, чтобы он снял наручники. Отошла от него чуть дальше в кусты и через минуту вернулась.

– Мы вообще где? – спросила я, продолжая озираться по сторонам. – Что за экзотика?

– В тайге. Классное гнёздышко, а? – подмигнул он мне. – Очень романтично!

– Что случилось? Почему мы так далеко от города?

– Пора возвращаться, – Денис открыл наручники, подставил их под мои руки. – Нельзя задерживаться, твой Ромео может занервничать. Я мало что знаю, меня с ними не было. Руслан тебе всё позже объяснит, когда вернётся.

– А где он? И где Вася? – спросила я, обернувшись, пока мы шли обратно.

– Отъехали купить всё необходимое. Нам пришлось срочно сматывать удочки, не успели купить пожарть.

– Ясно. Когда они вернутся?

– Может, через пару часов. Мы далеко от города.

Мы подошли к избушке. Прежде чем войти, я шепнула Денису в ухо:

– Кажется, и правда неплохое бунгало. Природа, свежий воздух, птички. Молодцы, хвалю! – улыбнулась я и, снова изобразив серьёзное испуганное лицо, шагнула через порог.

Рональд сидел всё так же, на нарах. Денис покосился на него.

– Скажи ему, чтоб потерпел пока. Я не поведу его один, подождём остальных.

Я перевела.

– Я и не просился. Кто-нибудь объяснит наконец, в чём дело? – грозно поднялся Рональд, но Денис уже закрывал дверь снаружи.

– Он сказал, что с тобой будет разговаривать другой человек, его сейчас нет, но скоро приедет.

Рональд, кажется, боролся с приступом ярости, глаза его метали молнии, челюсти были плотно сжаты.

– Сказали бы уже, что им от меня нужно, и шли бы ко всем чертям! У меня съёмки, плотный график, – выдохнул он сквозь зубы, но внезапно взгляд его смягчился, он подошёл ко мне: – Он ничего не сделал тебе? Не обидел?

Он стоял всего в шаге от меня, и его широкие плечи загораживали всю комнату.

Я вся трепетала от удовольствия, так тронула меня его забота.

– Нет, всё хорошо. Просто проводил туда и обратно.

Рональд остался удовлетворён ответом. Помолчал немного, поднял на меня глаза.

– Тебе удалось что-нибудь разглядеть? Где мы?

– Мы действительно в лесу. Вокруг деревья, они разбили лагерь рядом с нами. Я так думаю, их трое или четверо – палатка большая. Больше ничего не заметила.

– Ясно.

Он задумчиво прошёлся по комнате. Спросил, будто с энтузиазмом примеряясь к новой роли:

– Какая у вас тут мафия в России? Чего мне опасаться?

– Откуда же мне знать? Раньше я с ними не сталкивалась, – развела я руками. – Только в фильмах и в книжках... Но там они все очень страшные.

– Знаешь, мне ведь приходилось сражаться с русскими бандитами, – Рональд нахмурился.

Конечно, я знала. Я знала обо всех его ролях.

– И то, что я о них знаю, не сильно обнадеживает, – продолжал он, присаживаясь на край стола и принимая подчёркнуто доверительную позу. – Нам любят представлять русскую мафию как самых кровожадных, беспринципных ублюдков, очень хитрых, очень жадных. Но поверь мне – это всего лишь фильмы. Всего лишь шаблоны, не имеющие отношения к реальной жизни. Все ужасы слишком преувеличивают, чтобы подчеркнуть, насколько отважен, смел и крут главный герой, понимаешь?

Он встал, подошёл ко мне, снова положил руки на плечи.

– А ещё я уверен, что мы имеем дело с деловыми людьми, а не с какими-то маньяками. Это их бизнес, такая работа. Будем считать, что сегодня они с ней справились. Просто дадим им то, что они хотят, и нас отпустят. Поняла?

Ах, Рональд! Если ты дашь то, что мне нужно, я тебя уже никуда не отпущу, будь уверен. Я готова была пустить слезу умиления. Какой же он всё-таки... Невероятный. Доброты в нём больше, чем азарта в Лас-Вегасе! Его похитила русская мафия, держит в каком-то сарае в лесной глуши, в наручниках, собираются отнять его деньги, а он беспокоится о том, чтобы какая-то малознакомая переводчица не нервничала. Восхитительно.

Видимо, у меня и правда выступили слёзы, но Рональд распенил это по-своему. Он ещё крепче сжал мои плечи, чуть пригнулся, так чтобы глаза его оказались на уровне моих, сказал очень уверенно:

– Я сделаю всё, чтобы вытащить нас отсюда. Живыми и здоровыми, правда, в моём случае чуть обедневшими, – он улыбнулся. – Из-за меня мы сюда попали, но скоро я всё устрою. Ничего не бойся и делай так, как они говорят. Нас отпустят, и знаешь, что мы сделаем в первую очередь? – он хитро прищурился.

– Что? – спросила я заворожённо. Он опять меня гипнотизировал.

– Мы пойдём пить кофе, как и собирались. Идёт?

Рот мой растянулся в смущённой улыбке, я никогда не слышала ничего более приятного. И прежде, чем я успела что-либо понять, уже стояла, прижимаясь к нему со всей силы. Я бы обняла его, если б мне не мешали наручники, и я мысленно прокляла этот дурацкий маскарад. Но Рональд не видел в них помеху – чуть отстранился от меня, поднял руки вверх, опустил их за моей спиной и прижал к своей груди.

Я чуть не задохнулась от восторга – неужели это происходит на самом деле? Я стою здесь и обнимаюсь с Рональдом Шелтоном? С самим Рональдом Шелтоном? Я уткнулась носом в его плечо, сжала ткань его майки. Меня мгновенно охватил страх того, что, как только он меня отпустит, то сразу исчезнет, и я всеми силами пыталась остановить мгновение. Законы физики снова играли мне на руку – рядом с крупными звёздами время течёт намного медленнее, известный факт. И моё сознание пользовалось этим, плыло куда-то, лениво отталкиваясь от берега шестом. Тело взрывалось тысячами маленьких фейерверков, снизу вверх шла волна сладкой дрожи, оставляла за собой длинный мурашечный след.

достаточно! отлепись от него!

Я отпустила его майку, упёрла руки в его грудь, подалась назад, улыбнулась:

– Да. Всё будет хорошо.

Довольный мной, он выпустил меня из волшебной обволакивающей теплоты, и мне тут же стало одиноко и холодно.

холодно

Что там приволок Денис?

– Давай посмотрим, что в нём?

Я подошла к мешку, похожему на те, в которые обычно складывают всё необходимое для фитнес-центра. Новый, с ценником. Я повертела ценник в руках и насторожилась, увидев на нём данные сетевого спортивного магазина и адрес московского филиала. Какая-то неясная паника нарастала внутри меня, пока я вытряхивала вещи и торопливо их осматривала. Не знаю, что я пыталась найти, но то, что я нашла, заставило мои ноги подкоситься, и я медленно опустилась на пол. Внутренне обмирая, я сжимала в руках пару новых костюмов для трекинга. Один женский, моего размера, второй мужской, размера Рональда. Я ожидала увидеть в мешке всё что угодно – обычные новые тёплые вещи или старое поношенное тряпье с помойки, но только не два костюма с московскими ценниками. Идеально подобранные для того, чтобы ходить в них по лесу. Я застыла на полу, не дыша и уставившись в одну точку.

Рональд встревоженно присел рядом, повернул моё отсутствующее лицо к себе:

– Что-то случилось?

С трудом ворочая онемевшим языком и пытаясь придать интонации как можно более безразличное выражение, я сказала:

– На ценниках адрес московского магазина. Они из Москвы.

– Да ты настоящий детектив, – улыбнулся Рональд.

Итак, они заранее готовились к пикнику.

Глава 3

Не придумав ничего лучшего, чем соврать Рональду про ужасную головную боль, я лежала на кровати, поджав колени, лицом к стене, и прилагала серьёзные физические усилия, для того чтобы не выдать своего состояния.

Напряжённо соображала. Мозг мой уже давно выстроил логическую цепочку, но я отказывалась верить в то, что он мне вырисовывал. Пыталась подобрать объяснения, оправдания, пыталась свести концы с концами так, чтобы получилась более-менее удобоваримая картина, но факты всплывали сквозь эти ничтожные попытки, как трёхдневные трупы с глубин реки. И пока я не получу объяснений, пока не удостоверюсь, что контролирую ситуацию, я не могу сохранять лицо и создавать перед Рональдом видимость того, что всё в порядке. Думать обо всей этой ситуации легко. Нужно всего лишь лежать, обхватив голову руками, до тех пор пока на лбу не выступят капли крови. Я сдалась. Просто притворилась мёртвой и пыталась не обращать внимания на мешанину в голове. Ждала кого-нибудь из своих.

Ждать, впрочем, пришлось недолго. Через час-полтора мы услышали копошение возле двери, после чего она приоткрылась и в щель проник голос Руслана.

– Вы, двое! Сядьте на кровать.

Я позвала Рональда к себе и села сама. За это время напряжение в теле возросло до предела, я еле шевелилась, казалось, все кости и мышцы превратились в камень.

Руслан вошёл в комнату, за ним Денис, оба вооружены, обе физиономии спрятаны под масками. В окошке показалось ещё одно чёрное пятно – Вася. Руслан по-хозяйски огляделся, удовлетворённо кивнул:

– Уютненько у вас здесь. Уже обжились, голубки? Вьёте гнездо помаленьку? – он улыбнулся нам, как старым друзьям, но от этой улыбки меня пробрал озноб. – Скажи своему другу, чтоб шёл с нами.

Я попросила Рональда следовать за ними, и они вышли, конвоируя похищенного спереди и со спины. Когда через несколько минут все трое вернулись, мне казалось, что огненные муравьи, издевавшие мой мозг, теперь выбрались на поверхность и ползают по телу, отчего кожа покрывается болезненными мурашками.

– Пристегни их, – Руслан больше не улыбался.

Денис подошёл и по очереди приковал нас одой рукой к железным спинкам кровати. Пока Денис возился с наручниками, мы с Русланом поедали друг друга глазами. Не выдержав моего взгляда, он отвернулся и подошёл к столу, сел на него, поставил ноги в облепленных грязью ботинках на лавку. Сложил локти на коленях.

– Иди, – махнул он Денису. – приготовь чего-нибудь пожрать. Я сам поговорю.

Денис вышел. Я застыла, ссутулившись, как кобра за секунду до атаки. Руслан хищно улыбнулся, кивнул на мой наручник:

– Не хочу, милая, чтобы ты выцарапала мне глаза. Так будет спокойнее нам всем.

Мышцы свело нервной судорогой, я всё ещё отказывалась верить. Всё это просто сон, ужасный сон, я уже видела, наверное, тысячу таких же реальных ярких снов...

– Ну прости, прости меня! Ну не смог удержаться! – взвыл Руслан и драматично ударил себя в грудь кулаком, развернул ладони вверх, растопырил пальцы: – Деньги сами падают мне в руки! Как я могу отказаться от них? – протянул руки в мою сторону, будто желая обнять, и посмотрел на меня с обожанием: – Особенно когда ты, милая, так всё удачно организовала! Ух-х, расцеловал бы, да, боюсь, укусишь, так что обойдёмся без сантиментов, если ты не против.

Он закончил кривляться, голос его приобрёл металлический оттенок, стал жёстким, холодным, лишённым всякого выражения.

– Переводи ему слово в слово, что я скажу.

Я была не просто в ярости – я была в бешенстве, кулаки сжимались так, что кожа на костяшках едва не лопалась от напряжения, Я посмотрела на Рональда. В его глазах не было страха или растерянности, лишь спокойное любопытство. Он желал знать, что значит это мини-представление, устроенное тут похитителем.

– Радует, что скоро разбогатеет и что поможет ему в этом такая очаровательная переводчица, – объяснила я, еле проталкивая слова сквозь стиснутое горло.

– Я так и подумал, – кивнул он. – Спроси, сколько он хочет.

– Что тебе нужно? – спросила я Руслана и мысленно поблагодарила себя за сдержанность.

Голос мой звучал ровно.

– Сто миллионов долларов.

И хоть спина моя моментально вспотела, я отчего-то подумала, что ослышалась.

– Сколько? – переспросила.

– Сто миллионов.

– Ты рехнулся? – от сдержанности не осталось и следа.

– Ты, милая, забываешь, что рядом с тобой не просто красавчик в браслетах. Его состояние оценивается в полмиллиарда, так чего мелочиться? Он ведь заплатит любые деньги, лишь бы убраться отсюда. А если вздумает кобениться, ему придётся смотреть на то, как я по одному отрезаю твои красивые пальчики. Переводи.

Осознание собственного бессилия раздувало, удваивало, утраивало скопившуюся во мне глухую ярость. Запинаясь, я перевела требования Руслана. Рональд выслушал всё это с каменным выражением лица, а когда я договорила, только развёл руками:

– Скажи ему, что бумажник с сотней миллионов остался в других штанах.

Я повернулась к Руслану.

– И как ты, мать твою, себе это представляешь?

– Пятьдесят тысяч купюрами по двадцать долларов, пятьдесят тысяч тысяч купюрами по пятьдесят долларов, сто тысяч купюрами по сто долларов, остальное я возьму камешками. Бриллиантами. Само собой, я не смею отрывать мистера Шелтона от чудесного пикника, поэтому ему нужно подумать, кому бы он смог доверить разрешение всей этой нашей... ситуации. Я хочу, чтобы он назвал мне доверенное лицо, нужен кто-то, кто мог бы уладить все технические вопросы. Да, и скажи ему, что это доверенное лицо должно быть достаточно сообразительным, настолько сообразительным, чтобы ему хватило мозгов не соваться в полицию. Переводи.

Я перевела. Рональд задумался.

– Да, и добавь, что за каждую мелкую ошибку его доверенного лица я буду отрезать по пальцу уже у вас обоих. Одна ошибка – два пальца, нехитрая арифметика. А если это лицо нажалуется полиции на наши шалости, я перережу тебе глотку у него на глазах. Так что пусть хорошенько подумает, кому бы доверить это дельце.

Я переводила Рональду и наблюдала за тем, как постепенно меняется его лицо, становится всё более напряжённым и отстранённым. Он помолчал минуту, глядя в пол, потом сказал твёрдо:

– Передай мистеру Зануде, что мне нужно время всё обдумать. До завтра. Но пусть он будет уверен: я оценил его по достоинству. Сто миллионов – вполне приемлемая благодарность за такое увлекательное приключение.

– Завтра он назовёт тебе имя, – прошипела я исподлобья. – Ты получишь свои деньги.

– Вот и чудненько, – Руслан потёр ладони. – Ладно, я пойду, а вы наслаждайтесь природой и обществом друг друга, – он встал, смахнул несуществующую слезу и одарил нас умильной улыбкой, за которую я с радостью зарезала бы его. Вдохнул: – Как романтично! Ну ладно, не буду мешать...

Мне казалось, я очутилась внутри какой-то особенно ужасной картины Макса Эрнста. Словно переела на ночь и вижу кошмар. Ещё долго смотрела на захлопнувшуюся дверь, будто передо мной действительно разворачивалось что-то интересное. Я была слишком потрясена, чтобы думать или делать что-то ещё. Ступор? Прострация? Шок? Свесив голову набок, я лишь тупо смотрела на подгнившие деревянные доски. Контуженная взрывом рыба.

Видимо, у меня не осталось сил сохранять хорошую мину при плохой игре, и, видимо, все эмоции вылезли наружу, потому что Рональд протянул свободную руку, взял меня за подбородок и повернул моё лицо к себе, чуть приподнял:

– Выше нос, вот так. Они получают всё, что хотят, и очень скоро нас здесь уже не будет. Не переживай так, деньги не проблема.

– Но это же сто миллионов!

Я делала вид, что поразившая меня сумма виной моему состоянию, на самом же деле я вся горела огнём и одновременно превращалась в глыбу льда по другой причине – гнусного предательства.

– Деньги – это всего лишь побочный эффект моей работы, – пытался достучаться до меня Рональд. – Я работаю не ради денег, а ради удовольствия, я действительно очень люблю то, чем занимаюсь, и мне просто повезло, что моё любимое занятие хорошо оплачивается. Понимаешь?

Погрузившись в свои мысли, я с трудом разбирала, что он говорит. Видимо, Рональд расценил выражение моего лица как непонимание.

– Хорошо. Вот что ты любишь больше всего на свете? – спросил он.

тебя

– Погружаться с аквалангом... – пролепетала я неуверенно первое пришедшее мне на ум.

– Отлично. Я, кстати, тоже люблю, – он улыбнулся и протянул мне горячую ладонь. Я нерешительно вложила в неё свою ледяную руку. – А теперь представь, что за каждое погружение тебе выплачивают по миллиону долларов. Здорово, да?

Если что и могло отвлечь от раздражающих меня на части мыслей, то только он. Я смотрела в эти удивительные глаза, на эти чувственные губы, упрямый подбородок, широкие мускулистые плечи, стройные бёдра...

Но и он ненадолго отвлёк меня. Мне вдруг стало невыносимо одиноко, тоска пронзила железным прутот, тело сковал холод, мне казалось, что весь мир против меня, я вдруг почувствовала, что совсем одна. Меня предали... предали... И это чувство причиняло мне такую боль, с которой вряд ли бы сравнилась любая боль физическая, мне хотелось кататься по полу и выть, выдирать себе волосы, делать что угодно, как угодно сходить с ума, лишь бы не ощущать этого. Но Рональд смотрел на меня, и я ничего не могла делать, могла только сидеть, чувствуя, как чудовищное давление разрывает мне голову

и слушать его голос

и смотреть в его добрые глаза

и на эти губы, которые что-то говорят мне

Я не знаю, что было между, но вот я только что цепенела от постигшего меня кошмара...

...и вот я уже неистово целую его, судорожно цепляюсь свободной рукой за его волосы, прижимаю его голову к своей, впиваюсь в его губы всё сильнее, всё глубже...

...и он отвечает мне. Секундное замешательство от моей неожиданной атаки на его рот сменяется ответным поцелуем. В висок. Он мягко отстранил свою голову от моей и поцеловал меня. В висок. Контрольный выстрел – последний за этот день, убивший меня окончательно. А потом прижался щекой к моему затылку, баюкая меня у себя на груди, как испуганного ребёнка, пока я цепенела от ужаса произошедшего. Охватившие меня стыд и отвращение к

себе были такими невыносимыми, что мне хотелось провалиться внутрь себя самой, просто перестать существовать. Я только что всё испортила. Я испортила. Всё. Только что....

И не знаю, что бы случилось дальше, может, я и умерла бы тут же на месте, а может, и в самом деле разревелась, что ещё хуже, но дверь открылась, и вошёл Денис. Он поставил на стол битком набитый пакет, бросил нам ключи.

– Отцепитесь от кровати, застегните друг другу наручники и киньте ключи мне обратно.

Рональд выпустил меня из объятия и принялся возиться с замками.

Набрав полную грудь воздуха, я взглянула на Дениса. Он избегал смотреть мне в глаза и смотрел куда угодно ещё – в угол, в стену, в потолок. Это дало мне повод думать, что он чувствует некое подобие вины, и я решила прощупать почву получше. Какое счастье, что Рональд ни слова не понимает по-русски.

– Это была его идея? – спросила я.

Денис молчал, но глаза сказали всё за него.

– Так я и думала. Тебе самому такая подлость вряд ли пришла бы в голову. Он, видимо, был очень убедителен, миллионами соблазняя тебя на предательство.

Денис по-прежнему молчал. Меня сдерживало только одно – присутствие Рональда. Если бы не он, я бы бросилась на Дениса, чтобы вцепиться ему в глаза, изорвать его в клочья. И меня не остановило бы оружие в его руке, о, нет, нисколько – и именно это он читал в моём взгляде.

– Ты бы выстрелил? – прошипела я.

Он отвёл глаза.

– Выстрелил бы ты в меня, я спрашиваю?

Ответа я не дождалась, с глухой яростью отвернулась к Рональду. Он протягивал мне ключи. До меня дошло, что нас собираются держать в наручниках всё время, и я снова ощутила вспышку бешенства. Рональд смотрел на меня, и мне пришлось успокоить свою ярость, прежде чем вновь повернуться к Денису.

– Как ты, думаешь, чувствовал бы себя с постоянно скованными руками? – спросила я осторожно.

– Хреново, – промямлил он.

– Если у тебя осталась хоть капля уважения ко мне, ты заберёшь эти наручники с собой.

– Ну... не знаю...

– Зачем они нам тут? Мы что, собираемся драться друг с другом? А как я куртку надену? А как буду спать в них? Ну, сам-то подумай.

– Ладно, кинь их мне.

– Неужели, – съязвила я и забрала ключи у Рональда.

Через минуту бросила наручники изнывающему от неловкости Денису, и он, не выпуская нас из поля зрения, попятился к двери и вышел.

– О чём ты его спрашивала? – строго поинтересовался Рональд.

– Хотела выяснить, первые ли мы, кого они похитили. И что стало с теми, кто был до нас, – соврала я и снова погрузилась в меланхоличное отупение.

Всё никак не могла поверить в то, что действительно сделала это. Как я могла накинуться на Рональда?!

– Я же попросил тебя не высовываться. Пожалуйста, больше никаких разговоров, хорошо? Не зли их.

– Хорошо, – бросила я в его сторону и отвернулась, чуть не плача.

Я всё испортила. Глупая, несдержанная идиотка! Теперь он видит во мне всего лишь ещё одну свою безумную фанатку. Проклятье! Как я могла так глупо и безнадежно лишиться себя шансов произвести на него серьёзное впечатление! Поздравляю тебя, Лиз, ты всё та же

непроходимая тупица! Можешь распрощаться с ним сейчас же и ехать обратно домой! Ага, домой! Теперь, запертая с ним наедине, ты будешь вынуждена сходить по нему с ума уже без малейшей надежды на взаимность. Это ведь то, чего ты так боялась, Лиз? Ты всегда любила смотреть в лицо опасностям, но брать себя за шкуру и собственноручно скидывать в жерло кипящего вулкана... Как глупо. Как обидно...

Действовать. Простые будничные действия помогают решить большинство глобальных проблем. Каждый раз, обретая контроль хотя бы над малым, тем самым мотивируешь себя на дальнейшие конструктивные действия. Страх, отчаяние, подавленность и даже гнев происходят от сознания собственного бессилия, беспомощности. Нужно предпринять какие-то действия. Просто начни делать хоть что-нибудь, Лиз, хватит сидеть, как каменная горгулья на стене собора!

Я встала, походила по домику, чтобы унять дрожь. Отчаяние переросло в зловещее спокойствие, я подошла к столу, заглянула в пакет.

– Посмотрим, чем тут угощают?

Мы оба старательно делали вид, что забыли о нашем поцелуе, как будто это случилось не с нами и не здесь. Рональд – не знаю по какой причине. Я – по причине того, что не представляла, как с этим быть и как к этому относиться. Особенно учитывая новые обстоятельства. Голова просто шла кругом.

Пакет был довольно объёмным, и я по очереди извлекла из него двухлитровую бутылку воды, хлеб, фрукты, овощи, пачку чая, банку кофе, несколько вакуумных упаковок с мясной нарезкой, сахар, пластиковые стаканы, влажные салфетки, зажигалку, колоду игральных карт, две плитки шоколада и большой пакет с печеньем. Задумчиво повертела колоду в руках – надо же, ещё и о досуге нашем побеспокоились, неслыханный альтруизм. Наверняка Денис, мы с ним частенько перекидывались в покер. Карты... Как будто мы и в самом деле просто отдыхаем на природе. Он бы ещё гитару в пакет засунул, придурок. И бадминтон.

В этот момент через наше единственное крошечное окно в комнату закинули охапку хвороста и вслед за ней несколько маленьких брёвнышек. Ну да, у нас же тут печка в углу. Сверху на ней стоял маленький котелок.

– Зажжём камин? – предложил Рональд, поднимаясь и потирая ладони.

Мы пили кофе, на столе лежали сэндвичи, но кусок не лез мне в горло. Я просто сидела перед остывающим стаканчиком, закрывшись рукой и закусив губу. Рональд тоже не притрагивался к еде. Выстукивал пальцами (длинные пальцы) незатейливую мелодию по бурой столешнице, сдувал парок со своего кофе.

– Сейчас бы водки выпить, да, Лиз? – он участливо вытянул шею.

– Ага. И стаканом закусить, – пробубнила я, поднимая на него глаза. – Что вы, американцы, о нас, русских, только не думаете...

Он спокойно улыбался, рассматривал меня.

– Тебе нужно поесть, – придвинул ко мне бутерброд.

– Тебе тоже, – ответным жестом я передвинула бутерброд к нему.

– Хорошо, но ты съешь это первой. И если с тобой ничего не случится, я пойму, что еда безопасна.

Я хлопала глазами, Рональд ухмыльнулся:

– Помнишь, у Марка Твена был такой лорд-отведыватель?

– «Принц и нищий»? – с трудом припомнила я.

– Ну да. Обычно я не страдаю приступами чрезмерной щепетильности, но что поделать. Ты ведь любишь попадать в истории, и теперь у тебя новая должность. Будешь проверять, не отравлена ли моя еда.

Он по-птичьи наклонил голову с интересом уставился на меня. Всё-таки он очень милый, но...

– Мне не хочется есть, Рональд.

– Ну, значит, будем голодать вместе, – поник он.

– Это шантаж, мистер Шелтон, – сказала я строго, но лицо его было непроницаемым. Пришлось взять сандвич и начать медленно жевать. Вкуса я не ощущала совсем, будто во рту у меня находились опилки или солома. Рональд удовлетворённо кивнул и тоже принялся за еду.

– Знаешь, что я сейчас чувствую? – спросил он, добавив в голос вкрадчивости.

– Что? – у меня перед глазами встала сцена с поцелуем, и я судорожно повела лопатками.

Не хочу ничего обсуждать сейчас. Не до этого. И не до этого дурацкого бутерброда. Я отложила его в сторону.

– Острую нехватку камер, режиссёра и всей этой съёмочной толпы.

– Надо же...

– Нет, правда. Вот смотри...

Он замолчал, откусил от сандвича и поднёс его вплотную к моим губам. Бровью отдал приказ. По его глазам я поняла, что продолжения не будет, пока Мистер Суперзвезда не добьётся своего. С какой-то обречённостью, покорностью даже, я осознала, что окончательно и бесповоротно утратила инициативу в руководстве собственной жизнью. Как будто села в самолёт, и дальше от меня ничего не зависит.

– Декорации потрясающие, – продолжил он, после того как я откусила от его сандвича, – я в наручниках, похищенный, в лесной глуши, в каком-то сарае, ужинаю с прекрасной леди, эта лампа, эта печка, это всё, – он широким жестом обвёл комнату, – это не из реальной жизни, это из какого-то фильма, из вестерна. И я сбит с толку. Почему здесь нет камер? Почему никто не говорит мне в какую из них смотреть? Почему никто не поправляет мне грим? И где вообще мой текст, хотел бы я знать? Где сценарий? Я не привык работать в таких условиях!

Всё ещё пытается отвлечь меня. Дурачится, как будто мы действительно на съёмках. Жаль, что киноакадемия никогда не сможет по достоинству оценить его в этой сцене: если Рональд за что-то и заслуживает награду, так это за ту роль невозмутимого оптимиста, которую играет сейчас.

– Каждый рад бы жить по заранее написанному им же самим сценарию, – пробубнила я.

– Но жизнь никогда не бывает организована так же правильно, как кино? – спросил Рональд беззаботно.

Я бросила на него хмурый взгляд и отвернулась к стенке.

И как мне теперь быть?

Понемногу я приходила в себя и уже могла достаточно ясно соображать. Если раньше эта обстановка и была декорациями, во всяком случае для меня, то теперь она стала реальностью. Перестав быть кукловодом, управляющим развитием этого представления, я сама переместилась на сцену. Но какая у меня роль, я не понимала. Что я должна сыграть теперь? Я была в растерянности. А может, и не нужно ничего играть? Может, нужно просто жить? Смириться с ситуацией?

Итак, разберёмся в ситуации. Меня, переводчицу сопровождающую голливудскую звезду мистера Шелтона, похитили вместе с ним и удерживают в лесной глуши опасные (я это знаю) преступники. Они требуют выкуп, и я должна помогать им вести переговоры с заграничным доверенным лицом мистера Шелтона. Получив деньги или их алмазный эквивалент, они отпустят нас на свободу. Скорее всего, опять накачают транквилизаторами и оставят в каком-нибудь заброшенном доме, чтобы, очнувшись, мы самостоятельно добрались до людей. Я бы во всяком случае так и сделала. Что будет дальше? Рональд вернётся к съёмкам фильма? Или

поспешит покинуть эту безумную страну на своём прекрасном личном самолёте при первой возможности? Нужно уточнить.

– Рональд?

Он отвлёкся от пейзажа за окном, локтями упёрся в столешницу, голова опустилась на кулаки.

– Да?

– Когда нас отпустят, что ты будешь делать?

– Зашью датчик GPS себе под кожу, – смеётся он.

Смеётся заразительно, я тоже не могу сдержать улыбку.

– Ну а всё же? Сразу уедешь или продолжишь работу над фильмом?

– Если и продолжу, то уже в другом месте. У нас плотный график. Локации находятся в нескольких странах, следующая, например, в Азии, в храмах Ангкора. Ты слышала про него что-нибудь?

– Не знаю, – пробормотала я, погружённая в свои мысли.

– О, Лиз, они прекрасны. Как-то давно я побывал там, и с тех пор они не выходят у меня из головы. Эти огромные тысячелетние храмы, перепутанные корнями и лианами, все эти барельефы, древние статуи, ступени – всё это так красиво, что дух захватывает! Это круче, чем всё вместе взятые пирамиды! И я просто поражаюсь тому, как мало людей знает об их существовании. Я хочу рассказать миру об этом чуде света и уже очень давно планирую организовать там съёмки. Кажется, я наконец добился своего – переписал сценарий, чтобы иметь возможность снять в этих храмах некоторые сцены...

Я смотрела на него исподлобья, недоумевала над его энтузиазмом. Какие ещё, мать твою, храмы? Тебя похитили, очнись! И меня тоже...

– Нам пришлось, как обычно, получать кучу разрешений в различных комиссиях, – продолжал Рональд, не обращая внимания на выражение моего лица. – Существуют определённые договорённости с властями о времени проведения съёмок. Где-то будут перекрываться дороги, где-то закроются для посещения общественные места. Если мы задержимся в России, мы не уложимся в график и не сможем своевременно начать работу на следующих локациях. Всё очень сложно.

ну какого чёрта тебя сюда принесло?! ничего этого бы сейчас не происходило

– А зачем вообще понадобилось устраивать съёмки в России? У вас что, своих пещер не хватает? Или заварушки без злых русских недостойны внимания?

– Этот фильм, как и многие свои другие, я продюсирую сам. А у меня есть своя «фишка» – минимум компьютерной графики и максимум реальных локаций. Ненавижу павильонные съёмки, если есть возможность, всегда устраиваю их на настоящих объектах.

– Почему?

– Для меня пребывание в Голливуде – сплошное разочарование, мне в нём тесно. Там не осталось ничего живого, и я не ощущаю себя живым в этих павильонах. С другой стороны, я люблю путешествовать, люблю посещать новые интересные места, люблю рассказывать о них людям. Часто действия в моих фильмах разворачиваются сразу в нескольких странах, плавно перетекает из одной в другую. Видишь ли, давно известно, что у зрителей возрастает интерес к фильму, если они знают, что съёмки проходили и в их стране тоже, и они с большим удовольствием покупают билеты. Как продюсер я не могу не заботиться о прибыли. Не только для себя, но и для студии и для всей команды. Но теперь, кажется, съёмки сорваны, и я просто не представляю, как нам уложиться в график. Скорее всего, придётся снимать оставшиеся сцены пещеры в павильонах...

Надо же. Я и не думала, что устроенное мной похищение так повлияет на съёмочный процесс. Я тогда вообще ни о чём не думала, кроме того, что хочу оказаться с этим мужчиной наедине. Чтоб ты сдох, Руслан! Спутал мне все карты! Вместо того чтобы очаровы-

вать Рональда, я думаю совсем о других вещах! Не до романтики в этих условиях абсолютно. Сколько мне понадобится времени, чтобы прийти в себя? Сколько у меня есть времени чтобы добиться своей цели? Я же всё равно собираюсь это сделать, так? Собираюсь же?

Я смотрела на Рональда

сидит переживает за свои съёмки

и понимала, что мне не до него.

Понимала, что хочу домой. Хочу к Антону. Хочу всё ему рассказать. Пожаловаться на Руслана и остальных. Хочу вместе с ним составить план мести. Хочу посмотреть, как он по очереди прицеливается в их мерзкие физиономии. У нас с ним одна беда на двоих – наши партнёры предали не одну меня, они предали нас обоих. А Рональд... Что Рональд? Одни фильмы в голове... У нас с Антоном общее прошлое. Такое количество разных событий, что хватило бы на несколько жизней. Он меня любит. Он меня понимает. Он мог бы меня защитить.

Я почти вижу, как Антон одной рукой поднимает Руслана за горло, ноги его отрываются от земли, он хрипит и закатывает глаза, и от этого зрелища мне становится очень хорошо. Как мы нужны сейчас друг другу, как никогда прежде! Я тут сижу похищенная, преданная, а у него мать умирает или уже... Сердце моё болезненно сжалось. Антон! Пожалуйста, найди меня, выпусти кишки этим ублюдкам и отвези меня домой! Мы всё переживём... вместе... как обычно...

– Пожалуйста, не плачь! – Рональд мягко ставит свой стакан на стол, его рука тянется ко мне, вытирает слезу с моей щеки.

– Я и не плачу! – упрямо говорю я и отворачиваюсь к стене.

что хочу, то и делаю! Буду плакать, если захочу! Не нравится смотреть на женские слёзы, иди спать. Тебе не понять! Заплатишь денег и вернёшься к своей жизни, поедешь там куда-то, а моя жизнь, между прочим, рухнула! Антон никогда не простит мне этого, ничто уже не будет так как раньше... И всё из-за тебя! И нечему тут улыбаться!

– Не смотри на меня так, пожалуйста. Этот упрёк в глазах убивает, – говорит Рональд нежно. – Я знаю, что виноват в том, что ты оказалась в такой ситуации. Я знаю, что тебе страшно. Я обещаю, что всё будет хорошо.

Молчу, глядя в пол.

– Я компенсирую тебе этот моральный ущерб, – наконец выдаёт он то, что наверняка уже давно вертится у него на языке.

– И сколько, по-твоему, стоят мои нервы? – спрашиваю я язвительно.

Глаза Рональда черствеют, но тут же сменяются виноватым выражением.

– Прости меня, пожалуйста. Не всё в мире можно измерить деньгами.

Я вздыхаю и вытираю нос. Вот именно.

– Но я что-нибудь обязательно придумаю! Я даже знаю что. Я покажу тебе, что такое настоящий страх. Я подвергну тебя таким ужасным испытаниям, что вся наша сегодняшняя ситуация покажется тебе просто смешной по сравнению с этим кошмаром! – он зловеще сверкает глазами.

– И что же это?

– Отвезу тебя в Диснейленд. Ты когда-нибудь каталась на русских горках?

– У нас они называются американскими.

Рот мой непроизвольно растягивается в широкой улыбке. Рональд, глядя на меня, тоже нервно улыбается, и в следующий момент мы начинаем смеяться так громко, что в окошке появляется чёрное пятно с удивлёнными денисовскими глазами.

– В чём дело? – спрашивает он.

Я показываю ему язык и кидаю в него сандвичем. Пусть катится вместе со своим Русланом ко всем чертям! Не так уж всё и плохо. То есть всё плохо, но не так уж.

– Лиз, – мягко упрекает меня Рональд после того, как Денис исчез, – я же просил тебя не грубить им.

– Я постараюсь, – пожимаю я плечами, и меня вдруг осеняет: – О, Рональд, прости! Совсем забыла извиниться, – я виновато разулыбалась, скромно похлопала ресницами. – Извини, что набросилась на тебя. Я хотела сразу же попросить прощения, но меня отвлек этот придурак в маске, и я совсем забыла.

Рональд чуть нахмурился, подбирая слова, но я его опередила. Положила ладонь на его руку, заглянула в глаза:

– Понимаешь, мне срочно было как-то отвлечься от своих мыслей, сделать что-то, что вырвало бы меня из страхов, потому что я почувствовала... как начинается приступ. В детстве я часто начинала задыхаться, когда нервничала или пугалась чего-то. Со временем я научилась контролировать свои эмоции, и за последние лет двадцать не было ни одного приступа, но сегодня... Понимаешь, я ведь очень эмоциональный человек. Мне самой иногда страшно от того, на какую глубину я способна уходить, погружаясь в свои эмоции. Я испугалась, когда мне снова начало сдавливать горло, а ингалятора не было, и единственное, что пришлось мне в голову... – Я состроила милую дерзкую гримаску. – В общем, извини ещё раз за то, что так цинично тебя использовала.

Рональд смотрел на меня, хлопал ресницами. На его лице читалось забавное смятение.

– Да ничего, Лиз, рад был помочь. И кажется, это я должен извиняться за то, что... ну ты понимаешь...

за то, что отверг тебя

– Я знаю, что такого пункта нет в твоём контракте, но можешь считать это дружеской услугой, – подмигнула я, и он с облегчением рассмеялся.

День близился к своему окончанию. Маленькое, как бойница, окошко транслировало темноту. В печи потрескивали угли, отсветы пламени плясали на деревянных стенах и балках, возле древней керосинки, прицепленной к потолочному крюку, кружились мотыльки, снаружи дождь шуршал листьями, стучал по деревянной крыше.

Странно быть похищенной, сидеть в какой-то конуре, в лесной глуши, наедине с совсем незнакомым мужчиной и чувствовать себя так уютно, как никогда прежде. Даже запах трухлявого дерева и копоть керосинки казались уютными.

Завернувшись в выданные нам пледы, прислонившись спинами к деревянным стенам, мы сидели напротив друг друга. Я на кровати, Рональд на деревянной шконке. Заниматься было особенно нечем, и мы просто разговаривали. Разговаривали уже долго, и все темы в основном вертелись вокруг нашего похищения в частности и преступности в общем.

– Да брось, Лиз, – махнул Рональд. – Не могут же все быть хорошими, кому-то приходится быть плохим. Представь, если бы мы все были правильными! Одинаковые люди-зеркала. Куда ни повернёшься, видишь только своё отражение, безупречное, идеальное. Какой тогда смысл в жизни? Тебе интересно было бы общаться с зеркалом? Я знаю, о чём говорю. Для интересного сценария, как и для интересной жизни, нужна интрига, и внести её могут только такие вот ребята. Они знают толк в том, как не дать заскучать всем остальным.

– Я что-то не пойму, ты их защищаешь?

не защищает, конечно, просто, напуганный моим приступом удушья, старается максимально разрядить обстановку

– Нет, но... Помню, когда я мальчишкой смотрел фильмы или читал комиксы, мне всегда хотелось, чтобы победили плохие парни. Они казались мне интереснее положительных героев. Они все были такими смелыми, дерзкими, с ними всегда было ужасно весело. Все эти супермены ребята, конечно, классные, правильные и всё такое, но они скучные, они всегда должны быть идеальными. Только плохие парни могут позволить себе отрываться на всю катушку и

только они могут сделать супермена суперменом. Кто он без них? Пустое место, ничем не примечательный очкарик. Не стоит от всех людей требовать, чтобы они были цветочками. Нужно понимать, что для цветочков требуется компост, кто-то хорош именно в этой роли.

я знаю, что на экране ты всегда цветочек, но какой же ты в жизни?

– А тебе приходилось играть роли плохих парней?

– Только раз. Но зрителям не понравилось, они хотели по-прежнему видеть во мне героя, не воспринимали меня в другом амплуа. Я уважаю мнение своих зрителей, и мне приходится с ним мириться, о чём я иногда сожалею. Всегда интересно примерить на себя чью-то шкуру, а шкуры отрицательных персонажей тем более.

Каждый раз перевоплощаясь в психопата, в социофоба, вживаясь в роль, задумываешься над его личностью. Задаёшь себе кучу вопросов. Что сделало его таким? На него повлияли события в прошлом или в нём с рождения какой-то изъян, как бракованная плата в компьютере? Каким он был раньше? Какие мысли у него в голове? В чём его боль? На какое-то время ты становишься детективом и психологом, это уникальный опыт, Лиз.

Но зрители хотят видеть меня только в таком амплуа – идеальном, поэтому мне нравится писать сценарии для своих независимых фильмов. Так я могу влезть в шкуру и в мозги любого персонажа, исследовать его личность, просчитать его действия. Это интересно, и, кажется, у меня это неплохо получается.

– Тебе нужно было стать писателем.

– Дело в том, что я мыслю картинками, образами и не представляю, как это – сидеть над текстом, оттачивать каждое слово. Для меня это слишком сложно.

– А мне больше нравится читать, чем смотреть. Когда я читаю, я сама создаю для себя фильм. Я открываю книгу и вижу белое пространство, испещрённое маленькими чёрными символами. И пока глаза исследуют его строчка за строчкой, мозг проводит колоссальнейшую работу по перекодировке этих символов в зрительные образы. И мне всегда нравится, как мой мозг справляется с этой задачей, как оживляет персонажей и выстраивает для них декорации. Это, если вдуматься, и вправду какое-то невероятное волшебство. Но самое удивительное то, что одна-единственная книга может произвести на свет миллионы фильмов, ведь у каждого читателя он будет свой. И герои будут разными, и декорации, и даже выводы из прочитанного каждый сделает свои.

– Ты как будто думаешь моими мыслями. Я ведь тоже люблю читать.

– Знаешь, я недавно купила дом, и от прежних жильцов мне досталась здоровенная библиотека, они не посчитали нужным забрать с собой этот древний хлам, копившийся, видимо, не одно поколение. Так вот, я что хочу сказать. Каждый раз, когда я беру очередную книгу, у меня внутри зарождается ощущение предвкушения. Это довольно волнительно перелистывать страницы в ожидании очередного сюрприза. То между ними найдётся старая чья-то фотография, то письмо, то талончик на проезд, то высушенные цветы, то незаконченная вышивка, то ещё что-нибудь. Воистину фантазия прежних владельцев библиотеки была очень изобретательной по части закладок. И все эти предметы будто пойманные воспоминания. Это так странно – прикасаться к чьим-то чужим, личным, невыразимо трогательным и навсегда ушедшим событиям.

– Как необычно ты рассуждаешь, Лиз. Прикасаться к чьим-то чужим событиям... Представлять себе их чувства и мысли, возможно, даже влезать на время в чью-то шкуру, ты об этом?

– Ты поэтому выбрал профессию актёра? Нравится примерять на себя разные шкуры?

– Почему я выбрал эту профессию? Всё просто. Из-за денег, Лиз. И долгое время она мне не нравилась, в какой-то момент я разочаровался в своём выборе, но уже не мог ничего изменить. Прошло много лет и случилось много важных событий, прежде чем мне удалось изменить своё отношение к работе и отношение работы ко мне. Теперь я точно знаю, зачем

мне это нужно. И тут ты, конечно, права. Профессия актёра позволяет почувствовать себя внутри самых разных личностей в рамках одной жизни. Другой профессии, дающей такую возможность, я не знаю.

а я знаю

– У тебя постоянно съёмки. Ты вообще когда-нибудь отдыхаешь?

– Конечно.

– А как?

– Обычно прячусь от всего мира в глухом, красивом месте и сижу со своим ноутбуком наедине, записываю какую-нибудь историю. Для меня это лучший отдых или, лучше сказать, разгрузка. Пока я ничего не пишу, а просто езжу по съёмочным локациям, по презентациям, накапливается столько идей, что меня просто распирает от них, я чувствую какое-то давление изнутри, и мне необходимо от него избавляться. Избавиться я могу только одним способом – сесть и записать все эти идеи.

– Ну а как насчёт обычного отдыха? Ну... всякие там развлечения?

– Какие, например?

– Всякие.

– Если ты про что-то вроде активного отдыха, то его мне и на съёмках хватает. Я организовал свою жизнь так, чтобы работа приносила мне удовольствие, и оно именно в этом и заключается. Я ещё и каскадёр по совместительству, не представляю себя без трюков, без чего-то головокружительного...

Я без сна лежала в темноте. Размышляла над тем, нравится ли мне тот факт, что у нас два спальных места. Наверное, всё-таки нравился. Я хоть и чувствовала себя крайне неудобно в своей кровати, но всё же Рональд мне чужой

пока ещё?

человек, и то, что он лежит не вместе со мной, а на нарах у противоположной стены, меня устраивало. К тому же я привыкла спать одна.

Мы оба ворочались в темноте на своих неудобных матрасах, Рональд шуршал сеном, я скрипела железными пружинами и, наконец, угнездилась между двух больших комков свалевшейся набивки.

– Без выкрутасов, мистер, – проворчала я ему вместо «спокойной ночи». – У меня под подушкой здоровенный чёрный маузер.

– Мисс, не переусердствуйте с запугиванием, – ухмыльнулась темнота его голосом. – Всё же здесь удобства на улице.

Не знаю, что бы я чувствовала, если бы ситуация и дальше разворачивалась по моему сценарию, но последние события отрезвили меня. Стоило мне потерять голову от этого мужчины, жизнь моя проходила как во сне. В том сне, где перестают действовать законы физики и вещи становятся нематериальными, теряют свою статичность, приобретают любую желаемую форму и состояние, преграды сметаются с пути одним взглядом, а для того, чтобы полететь, достаточно просто подумать об этом, и ноги сами отрываются от пола. Да, это был сон, но меня довольно жёстко вытряхнули в реальность, и теперь я смотрю правде в лицо. Рональд – почти незнакомый мне мужчина, которого я хочу сделать своим,

да, я всё ещё хочу

и мне стыдно за минутную слабость, заставившую меня в этом усомниться. Разобравшись в себе, я поняла откуда взялись эти упаднические настроения, злость и нерешительность. Гнусное предательство подорвало мою веру в себя. В тот момент я больше не чувствовала себя всемогущей, я была раздавлена, и моё подсознание запустило защитные механизмы, убеждая,

что Рональд мне не очень-то и нужен. Услужливо подменяло истинные цели, подсовывало то, что можно взять легко и не напрягаясь, – Антона.

Слишком сложно за пару-тройку дней привязать к себе такого мужчину – это я понимала и раньше, но верила, что возможно всё, нужно лишь приложить усилия. Рональд стал для меня одновременно и маяком, и камнем на шее. Я стремилась к нему, но это же стремление утягивало меня в пучину неуверенности, топило в страхах и сомнениях. На меня и так слишком много свалилось, и я хотела избавиться от этих чувств, но это значило бы, что я должна избавиться и от своего стремления тоже. Стало казаться, что мне не по силам эта задача, будто я откусила, но не могу проглотить. Будто замахнулась на нечто настолько грандиозное, что скорее раздавит меня, чем дастся в руки. И поспешила эти руки отдёргнуть.

Просто удивительно, от каких потрясений способно оправиться сознание. Я – это всё ещё я, и я по-прежнему хочу этого мужчину. Стоило мне это осознать, как хвост перестал вилять собакой, и я сосредоточилась на своей главной цели, не позволяя сомнениям разъедать душу. Помог мне в этом сам Рональд. Раньше я представляла себе операцию по его завоёвыванию как партию в шахматы. Белые начинают и выигрывают. Черные фигуры, олицетворяющие сомнения Рональда, повержены, сам брюнетистый король взят в плен прекрасной белой королевой. Как только всю мою стройную стратегию разрушили, скинув шахматную доску со стола к чертям собачьим, Рональд показал мне, что мы по одну сторону баррикад. Пыль сражения осела, и оказалось, что противник стал союзником.

Пусть теперь не я команду парадом, зато так честнее. Точнее.

Глава 4

После утренней прогулки до ближайших кустов Руслан выдал нам ручку и бумагу. На ней были написаны инструкции для доверенного лица Рональда. Я должна была перевести их на английский. Рональду предлагалось написать текст, который я скажу в телефон от его имени. Таким образом, получалось требование выкупа. Руслан объяснил, что, как только оно будет составлено, меня отвезут в какое-то место, где мы по телефону свяжемся с доверенным лицом, чтобы я зачитала это требование.

Во время утреннего кофе наша петиция была составлена и закончена. Я читала текст, выведенный аккуратной рукой похищенного. Не удержалась от того, чтобы оценить его почерк с точки зрения графологии.

Буквы крупные, оригинальные в начертании, поля широкие, завитушки, кружочки вместо точек. Глядя на общую картину почерка, среди прочего я заключила, что он принадлежит щедрому талантливому человеку с нестандартным, ассоциативным мышлением, для которого творчество – это своеобразный побег в мир грёз и фантазий. Самовыражаясь таким образом, он будто компенсирует неудовлетворённость в реальной жизни. Его почерк лишь подтверждал мои домыслы относительно его натуры и характера.

Общее настроение письма было дружеским, если не сказать фамильярным. Стало понятно, что человек, к которому обращался Рональд, как минимум очень близок ему. В требовании он просил снять с его счета сто миллионов долларов (на этом месте я всё же поперхнулась кофе), часть денег разменять мелкими купюрами, на оставшиеся купить некрупных бриллиантов и следовать дальнейшим инструкциям.

Сообщалось также, что ни в коем случае нельзя звонить в полицию. Руслан особенно настоял на этой строке и даже, пытаясь придать своей физиономии осмысленное выражение, будто он что-то понимает на английском, проверил чтобы она появилась в требовании. Наверное, он действительно что-то понимал, потому что, пробегая глазами по письму, он вдруг нахмурился, сунул бумагу мне в лицо и спросил, тыча грязным пальцем в абзац.

– Что это за хрень? При чём здесь озеро.. как там его?

– Рональд упоминает историю, известную только ему и его доверенному лицу. Чтобы не оставалось сомнений, что это пишет именно он.

Руслан недоверчиво переводил взгляд с Рональда на меня и обратно. Прошипел:

– Я надеюсь, вы двое хорошо понимаете, что всякие фокусы со мной не пройдут?

– Мы понимаем.

– Я так же надеюсь, вам обоим дороги ваши пальцы?

Злость старила и уродовала его.

– Нам дороги наши пальцы, – ответила я спокойно.

– Остынь, придурок, – сказал Рональд, с сочувствием глядя на раздувающиеся ноздри Руслана.

– Что он там лепечет? – прищурился тот.

– Говорит, отличный свитер, – бросила я в его сторону.

Руслан нахмурился ещё больше.

– Я бы на его месте не подвергал себя такой опасности, – невозмутимо продолжал Рональд. – Его глаза сейчас просто выпадут из глазниц.

– Говорит, ему нравится такая крупная вязка, – перевела я.

– Он что, смеётся надо мной?

– Нет, что ты, – округлила я глаза. – Его религия запрещает ему смеяться над вооружёнными идиотами.

– Пошли вы оба...

Руслан вышел, хлопнув дверью, но через секунду просунул голову в щель.
– Выезжаем через час, – сказал он мне, – собирайся.
– Ещё кофейку? – Рональд потянулся к печи за котелком.

Мы обсудили погоду, потом свои сны, потом он уговорил меня съесть половинку печенья, потом я слушала его наставления о том, как надлежит мне вести себя с бандитами, чтобы не провоцировать их на нехорошие действия. Угрюмо кивала, глядя в окно.

– Крошка, – сказал Рональд, бросив взгляд на мой подбородок.

Я обмахнулась.

– Не здесь, – он качнул головой и протянул руку.

Не знаю, почему я увернулась. Но я увернулась, породив секундное замешательство и в его взгляде, и в своих чувствах. Быстро смутилась, быстро пришла в себя, приблизила к нему лицо и всё-таки позволила смахнуть крошку.

Тёплый палец аккуратно скользнул по краю моей нижней губы. Сначала меня прострелило электричество, потом я на мгновение ощутила потрясающей ясности вспышку памяти.

Я, маленькая, сижу на пуфе, кто-то завязывает мне шнурки, а я кривляюсь и дрыгаю ногой. И у меня возникло удивительно приятное чувственное ощущение, ощущение из раннего детства, когда тебе ни до чего нет дела, потому что ты ничего не решаешь. У тебя есть кто-то большой, сильный и умный, разбирающийся во всех тонкостях этого огромного непонятного мира. Кто-то, кому доверяешь без оглядки, не ставишь под сомнение объективность его суждений и можешь позволить себе просто жить. Тихо развлекаешься собственным существованием на радость себе и окружающим.

Ощущение было мимолётным и исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив после себя острую, как зубная боль, тоску. Не отдавая себе отчёта в своих действиях, я незаметно развязала под столом свой шнурок и приняла прежнюю позу. Смотрела в окно, потягивала чай, гадала, долго ли придётся ждать клёва. Выдвинув ногу из-за стола, обеспечила прекрасный обзор приманки. Поболтала ею ненавязчиво, но Рональд, осторожный, как марлин, не спешил попадаться на крючок. Начал воодушевлённо рассказывать какую-то историю, сделал нам новый чай, спрашивал меня о чём-то, а я отвечала, импровизируя на ходу или опуская нежелательные подробности. Так и забыла, отвлечённая его уловками, о своём развязанном шнурке.

Вспомнила, когда сама же об него и запнулась, вставая из-за стола. Сделала два неуклюжих шага, треснулась локтем о железную спинку кровати и упала на скомканный матрас.

– Ой, – сказала я и растерянно уставилась на висящий шнурок.

Рональд усмехнулся, подошёл и присел на корточки рядом с моей ногой. Пока мы оба смотрели на его занятые работой пальцы, я вся трепетала от волнами накатывающих эмоций. Пальцы справились слишком быстро. Наслаждаясь отголосками его прикосновений, я погрузилась в раздумья насчёт следующей подобной кампании и пребывала в них до тех пор, пока дверь не распахнулась.

Дежавю.

Именно это я чувствовала, пока ехала в машине. Снова я с завязанными глазами, снова сижу сзади, снова за рулём Денис, а Руслан снова на пассажирском сиденье. Антона очень не хватает. В этой ситуации особенно. Я вспомнила, как он на меня смотрел. Успокаивающе – вот как. Пока эти двое издевались над моей растерянностью, Антон, хоть и собственноручно засунул меня в машину, старался меня успокоить. Тогда я чувствовала страх, но то, что чувствовала я сейчас, было ещё хуже. Унижение. Отвратительное ощущение того, что тебя используют по своему усмотрению.

Внезапно я похолодела. Вспомнила, как иногда ловила на себе скользкие взгляды Руслана, блуждающие в моём декольте или недвусмысленно останавливающиеся на бёдрах. Он

всегда совершенно очевидно и явственно меня хотел и даже не пытался это скрывать. Иногда позволял себе отпустить сальную шуточку в мой адрес, но я никогда не реагировала. Его слова пролетали мимо, никак меня не касаясь, я была выше того, чтобы обращать на него внимание, и не обижалась, как не обижаются на душевнобольных детей. Но это в других условиях. В тех условиях он был никем – простым рабочим, которого всегда можно заменить, сейчас же Руслан имеет власть. Хочешь узнать человека – дай ему власть. Так говорят. У меня свело горло. Не хватало ещё, чтобы он... Проклятье! Меня чуть не стошнило от отвращения, когда я представила его руки на своём теле, его слюнявый рот около лица. «Господи боже, уймись же наконец!» – приказала я себе. Это же только страхи, ничего больше!

Колёса больше не шуршали по гравию, машину не раскачивало на ухабах – мы выехали на шоссе. Куда они меня везут? Боятся, что звонок отследят? Или в лесу просто не ловит мобильная связь? Мы ехали уже больше получаса, и всё это время мне приходилось слушать какую-то чудовищную безвкусную музыку начала двухтысячных. Я беспокоилась, что от неё у меня начнётся мигрень.

– Можно выключить эту галиматью? – попросила я.

– Скажи: пожалуйста, – услышала я голос Руслана.

Ну вот, началось. Уже выпячивает свою власть. Дешёвка. Я промолчала.

– Что, милая? Считаешь ниже своего достоинства вежливо разговаривать со мной?

Я по-прежнему молчала.

– Отвечай мне, когда я с тобой говорю! – взбесился Руслан.

– Ответить на глупость можно только глупостью, а я этим не страдаю.

– Вот сука! – я слышала, как Руслан разворачивается на своём сиденье и замахивается на меня, но не шелохнулась. Продолжала сидеть прямо.

– Уймись, Рус! – проворчал Денис.

– Если бы мне не нужен был твой язык, я бы отрезал его прямо сейчас, – прошипел Руслан.

– Если бы у тебя было достаточно мозгов, ты бы и не нуждался в нём.

Руслан внезапно рассмеялся.

– Слышь, Дэнчик, как поёт наша птичка? Как будто ей не подрезали крылышки и не засунули в клетку.

– А ты поешь так, как будто я не отрежу твои яйца и не засуну их в твою глотку, – сказала я спокойно.

Руслан подавился воздухом.

– Лиза! – крикнул Денис. – Угомонись! Рус, сядь за руль, пока вы не передрались здесь. У нас дела, вы забыли?

Мы ехали ещё какое-то время. Машина притормозила на обочине. С меня сняли шапку, сунули под нос листок с требованием. Руслан набрал номер на телефоне и дал мне его в руки.

– Без глупостей.

Трубку сняли после третьего гудка. Я ожидала услышать мужской голос, но ответила женщина:

– Офис мистера Гольдмана.

– Могу я поговорить с мистером Адамом Гольдманом, пожалуйста.

– По какому вопросу?

– Я звоню по поручению мистера Рональда Шелтона.

– Одну минуту, пожалуйста. Оставайтесь на линии, пожалуйста.

– Ну и как тебе Адам? Наверняка пытался заигрывать с тобой, старый блудливый пёс.

Рональд не сразу начал меня расспрашивать. Сначала он, обеспокоенный тем, что я ничего не ела за завтраком, пытался меня накормить. Целую минуту, наверное, я уворачивалась от сэндвича, но в конце концов, только из вежливости, откусила кусочек. Это единственное, что я могла сделать, чтобы не обидеть его, больше он ничего не сумел в меня впихнуть.

– Мистер Гольдман передавал привет и сказал, что всё устроит, – улыбнулась я беззаботно.

– Правда? – удивился Рональд. – Это всё?

– Ну, конечно же, нет! Он был в таком шоке, что секретарше пришлось отпаивать его какими-то каплями, и мы целых полчаса ждали, пока он придёт в себя. Почему ты не сказал, что он сердечник? Я, может, как-то помягче преподнесла бы ему эти новости.

– Да он вроде не жаловался... – рассеянно пробормотал Рональд.

– Потом он требовал к телефону тебя, чтобы убедиться, что с тобой всё хорошо, и ни в какую не соглашался на дальнейшие переговоры без этого.

– И что?

– Мне велели спросить у него его адрес. Сказали, что вышлют твой палец с твоим же автографом ему по почте. Ну, чтобы сверить почерк.

– Это, несомненно, убедило бы Адама. Он не настаивал на каком-то конкретном пальце?

На мгновение колени наши под столом соприкоснулись, и в этот момент в мою коленку переместились все мои органы чувств, я стала одной сплошной коленкой, горящей от его близости.

– Потом он связывался с твоей ассистенткой, с продюсером и ещё чёрт знает с кем, чтобы удостовериться, что ты действительно исчез, – продолжила я, тщательно выговаривая слова, чтобы отвлечь себя от нахлынувших эмоций.

– И это логично, – одобрил Рональд.

– Потом он пытался торговаться, начал с десяти миллионов.

– Да, торговаться он любит. И что же?

– Мне жаль, но у него не получилось сэкономить тебе денег.

– Старый волк теряет хватку. Обычно ему удаётся, у него просто дар экономить деньги.

– Ну у него же еврейская фамилия?

– Жаль, что эта фамилия подвела его именно сейчас.

– В конечном счете он попросил три дня.

Я умолчала о том, что это я предложила такой срок, боясь, что мистер Гольдман провернёт операцию по вызволению Рональда за сутки. Он согласился, к моему облегчению.

– Три дня... – протянул Рональд задумчиво. Взгляд его скользнул по полу, остановился на колоде карт, валяющейся почему-то в углу, и снова обратился ко мне: – Умеешь играть в покер?

– Нет, не умею, – смущённо улыбнулась я. – Научишь?

Я умею играть во все виды покера, и умею очень хорошо. Как и любой владелец казино. Просто мне хотелось, чтобы Рональд вложил в меня свои силы, мужчины ценят то, во что они вкладываются.

Хоть мне и неловко было хитрить с ним, но почему-то я всё равно это делала. Успокаивала свою совесть тем, что я ведь хочу, чтобы Рональду я понравилась такая, какая есть. Настоящая. А настоящая я такая – вечно что-нибудь хитрю, мошенница, одним словом. Вот, если бы я не лгала и не плела интриги, вот тогда бы я прикидывалась, и это уже была бы не я.

Так что я позволила себе немного подурочить Рональда, а ему позволила получить удовольствие от того, что он может научить меня чему-то, несомненно, очень полезному. Игре в покер, например. Мне стоило огромных усилий сохранять лицо, когда он в чём-то ошибался. Комбинации-то он знал, но с остальным были сложности. Тогда я решила немного потянуть

время, сделала вид, что именно комбинации никак не укладываются у меня в голове, и развлекалась вовсю, проверяя его психику на стрессоустойчивость.

Сидя по-турецки на кровати, друг напротив друга, мы разглядывали карты.

– Когда все карты по порядку, это что? – спрашивала я, сосредоточенно хмуря брови.

– Стрит, – в пятый раз терпеливо отвечал Рональд.

– А фулл хаус – это когда одной масти, да?

– Нет. Когда одной масти – это флеш.

– А фулл хаус? – рассеянно хлопала я ресницами.

– Это когда три одинаковые и две одинаковые.

– А что там старше, флеш или фулл хаус?

В итоге Рональд решил, что я быстрее обучусь в игре, и раздал нам карты. Две себе, две мне. Мне нравилось смотреть, как двигаются его руки, поэтому, получив свои карты, я кинула их обратно к нему и попросила сдать ещё раз, заявив, что карты меня не устраивают. Рональд покорно продемонстрировал моим жадным глазам ещё одну раздачу. Мне выпало две тройки, Рональду валет и король одной масти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.